

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Юнкерсы» налетели, как по расписанию, в 9.00. Они зашли на город Ломов тремя звеньями в сопровождении истребителей «Мессершмитт». Одно звено сбросило бомбы на железнодорожную станцию, где в это время стоял состав с цистернами горючего. Северную часть города охватило пожаром, поднялось черное облако дыма. Второе звено отбомбилось по промышленной зоне. Третье вышло к центру. Слишком поздно завизжали сирены, ударили зенитные батареи. Много людей не успело добежать до бомбоубежищ.

Сотрясая от взрывов и штаб стрелкового корпуса. Три пятидесятикилограммовые бомбы разнесли здание райкома, отдела милиции, начальной школы. Досталось и самому штабу. Взрывы бомб практически разрушили левое крыло, где находились отделы службы тыла, зал совещаний.

Гитлеровские самолеты развернулись за Ломовым и пошли на второй заход. Строй их распался. «Юнкерсы» шли по одному, но по всей ширине города с востока на запад. Грибами взрывов покрылись кварталы частного сектора.

Командир корпуса генерал-майор Воронин еще вчера, 6 августа, убыл в штаб армии, за него остался начальник штаба, полковник Грунов.

Во время налета он находился в оперативном отделе. Когда содрогнулось здание, в штабе сработала сигнализация, та же самая, что и в городе, сирена, но малой мощности. Офицеры, исполняя инструкции, забрали важные документы, личное оружие и побежали в подвал, где было оборудовано убежище.

Начальник оперативного отдела крикнул Грунову:

— Товарищ полковник, авианалет, быстрее в подвал!

Полковник ответил спокойно:

— Уходи, мое место здесь.

— Но ведь погибнете.

— Значит, такова судьба.

Подполковник вместе с подчиненными офицерами выскочили в коридор.

Грунов снял трубку полевого телефона, нажал вызывную кнопку. Ответил дежурный по узлу связи, не имевший права, как оперативный дежурный и весь наряд, покидать служебное место ни при каких обстоятельствах:

— Лавров на связи.

— Капитан, это начальник штаба.

— Да, товарищ полковник?

— Соедини меня с госпиталем.

Через разрывов выбила окна и в оперативном отделе, как, впрочем, и во всем здании, пахнуло дымом.

— Вы слышите меня? — спросил связист.

— Слышу, — так же спокойно ответил Грунов.

— Вам бы в убежище уйти.

Начальник штаба повысил голос:

— Я что запросил? Связать меня с госпиталем!

А что делать исполняющему обязанности комкора, я разберусь как-нибудь без тебя.

— Одну минуту. Черт!

— Что такое?

Взрыв рядом со зданием встряхнул его.

Дежурный капитан проговорил:

— Осколок в ногу.

— Аппаратура цела?

— Так точно.

— Сам как?

— Да вроде обошлось, кость не повреждена.

Осколок застрял в мышцах бедра. Извините, соединяю... если получится.

— Давай, капитан, и не обижайся.

— Понял.

Раздался вибрирующий длинный гудок, ответил начальник госпиталя:

— Майор Седов.

— Грунов. Что у вас?

— Разбит склад с медикаментами, хорошо, что оттуда все еще позавчера забрали. Хотя, чего хорошего, новой партии из армии так и не подвезли. Еще пару дней и — нечем лечить раненых...

Начальник штаба прервал медика:

— Меня интересует, что с ранеными и медперсоналом.

— С этим пока порядок. Это просто чудо, что бомба упала в больничном саду, хотя там тоже могли быть люди. Проверю. Легкораненые выведены в

бомбоубежище, тяжелых укрыли чем смогли. Среди личного состава потерь нет. По крайней мере, никаких докладов о потерях я не получал...

И вновь начальник штаба прервал начальника госпиталя:

— Тяжелых надо опустить на первый этаж, чтобы при повторной воздушной атаке срочно укрыть в убежище.

— Так они у нас и так на первом этаже. Считаете, на сегодня авиация уже закончила?

— Если ты помнишь, майор, я начальник штаба, исполняющий обязанности командира стрелкового корпуса РККА, а не командующий фашистской авиацией. Так что их планы мне неизвестны, но готовьтесь к повторению атаки.

— Да мы готовы.

— Хорошо.

— Извините, Дмитрий Алексеевич, вы не прозвоните насчет доставки медикаментов и перевязочного материала?

— Свяжусь со штабом армии, уточню, сообщу.

— Благодарю.

— Не на чем. Тебе отбой!

Начальник госпиталя отключился.

Грунов вышел на дежурного:

— На месте, капитан?

— Так точно.

— Тебе медик нужен?

— Нет, сам перевязал рану, до того извлек осколки — и до чего же острый, как бритва.

— Молодец, теперь свяжи меня с командиром зенитного дивизиона.

— Есть!

Вышел на связь зенитчик, подполковник Маслов:

— Слушаю!

— Это Грунов.

— Здравия желаю, товарищ полковник.

— Ответь мне, Сергей Сергеевич, ты что, не знал, что немцы обычно проводят авиационные налеты в 9 часов?

— Знал, конечно.

— Так почему же, черт возьми, зенитные батареи не встретили гитлеровскую авиацию на подлете к Ломову? — рывкнул Грунов.

Командир дивизиона не остался в долгу:

— А потому, что снаряды к орудиям вместо вчерашнего вечера подвезли на склад дивизиона только сегодня в 8.10. А их еще надо было развезти по батареям. Как комбаты получили снаряды, так и открыли огонь. И не надо на меня кричать, Дмитрий Алексеевич, сам голос едва не сорвал.

— Так, значит? Но тогда ответь, почему я не знал о том, что твои батареи целую ночь стояли без боеприпасов?

— Ждали. Связывался с начальником ПВО армии, генерал Артемьев передал, что колонна сформирована и скоро выйдет к нам. Это «скоро» продолжалось до утра.

— Понятно, бардак есть бардак. Потери в дивизионе есть?

— Есть. Два расчета вместе с орудиями уничтожены, пятеро раненых, два тяжелых, три орудия повреждены, но будут восстановлены. Огнем зенитных батарей уничтожены три «Юнкерса» на встречном курсе при втором заходе, один «мессер». Пилоты не выпрыгнули, самолеты упали в районе

леса. Добро, что не на город, а то уничтожили бы дома с людьми.

Грунов приказал:

— Рапорт об отражении воздушной атаки мне на стол к 12 часам.

— Есть.

— И смени позиции батарей, установи маскировку.

— Да знаю я, что делать.

— Выполняй приказ!

Начальник штаба вызвал дежурного по узлу связи:

— Капитан!

— Я, товарищ полковник.

— Что-то голос у тебя слабый.

— Да кровь остановить не могу. Зачем я вытащил осколок?

— Кто у тебя в наряде?

— Лейтенант Яковлева.

— Ты вот что, Лавров, возьми бойца в помощь и иди-ка в госпиталь, потеря крови — это серьезно, дежурство передай лейтенанту.

— Есть.

В трубке раздался грудной голос молодой женщины:

— Лейтенант Яковлева.

— Свяжи-ка меня, лейтенант, с начальником железнодорожной станции.

— Извините, не могу, со станцией связи нет. Видимо, оборваны провода, телефонисты уже вышли на проверку.

— Тогда давай штаб армии, генерала Сазонова.

— И со штабом армии связать не могу по той

же причине. Как только телефонисты установят обрывы, я доложу.

— Добро, отбой.

Полковник, бросив трубку, прошел в свой кабинет.

Там у разбитого окна стоял его заместитель, подполковник Дургин.

— Ты уже здесь? А где Сазонов?

— Начальник разведки в госпитале.

Грунов нахмурился:

— В госпитале? Ранен?

— Нет, Дмитрий Алексеевич, у Саши же там «полевая жена», медсестра, вот и пошел узнать, как она.

— Нашел время.

Грунов выбил из пачки «Казбека» папиросу, прикурил. Предложил заместителю. Тот отказался:

— Накурился уже, пока ждал вас. Скажите мне, полковник, почему немцы именно сегодня нанесли по городу авиационный удар?

Грунов пожал плечами:

— Видимо, командир авиационного полка не знал о делах разведки.

— Сомнительно, чтобы его не предупредили. Ведь всех нас могло порвать на куски в штабе.

— Не порвало же, и вообще, Федор Архипович, давай ступай в госпиталь, забирай Сазонова, Тернова с его людьми и с машинами подъезжай к разрушенному крылу штаба.

Дургин сказал:

— Это не останется без внимания дивизионного комиссара, а Иван Александрович Антохин помешан на бдительности. У него, как и у начальника

особого отдела, везде враги или в лучшем случае их пособники. У вас есть что сказать им, если увидят, как мы выезжаем?

— Естественно. Более того, я оставлю за себя Антохина.

— Хороший ход.

— Это не ход, так положено по штату в отсутствие командира и его прямого заместителя. А у нас генерал в штабе фронта, а вместо погибшего генерала Решко еще никого не прислали. Ну, ступай, ступай, время и так поджидает.

Подполковник ушел.

Начальник штаба открыл сейф, достал захваченные из секретной части документы и карты, сложил в портфель, проверил «ТТ». Снял трубку телефона:

— Лейтенант Яковлева.

— Соедините с дивизионным комиссаром.

— Так он только что с начальником особого отдела у нас был. Они пошли к себе. Может, я делаю что-то не так, товарищ полковник, но как соединить с начальством, если его нет в кабинетах?

— Все правильно, лейтенант, я их встречу.

И тут же в его кабинет зашел начальник политотдела корпуса дивизионный комиссар Антохин.

Звание «дивизионный комиссар» соответствовало армейскому званию «генерал-майор». И должность начальника штаба была генеральской. Так что по штату в отсутствие командира корпуса и заместителя командира обязанности командира обычно исполнял НШ.

— Рад видеть вас живым и невредимым, Дмитрий Алексеевич, — улыбнулся кривой ухмылкой политработник.

— Вас так же, Иван Александрович, собирался к вам, а вы сами зашли.

— Причина? — несколько удивленно спросил комиссар.

— Есть причина. Мне надо срочно выехать в расположение N-ской стрелковой дивизии, которая дислоцируется на стыке с дивизией соседнего корпуса.

— Я знаю, что и где у нас расположено. Один вопрос: для чего вы выезжаете в дивизию?

— Я обязан отчитываться перед вами?

— Нет, я просто прошу ответить на мой вопрос.

— Задайте его командиру корпуса, как вернется.

— Хорошо. А что вы нервничаете?

— А то, товарищ дивизионный комиссар, что положение корпуса тяжелое. Если немцы на нашем направлении начнут масштабное наступление, долго мы не продержимся.

Взгляд начальника политотдела стал колким:

— Вот только давайте без паники. Сейчас не 41-й год, чтобы отступить. Немцы бросили все силы на Сталинград. Вот где будет рубка. Уверен, победа наших войск под Сталинградом в корне изменит весь ход войны и сломит хребет фашизму.

Начальник штаба не стал говорить, что произойдет, если не Красная армия, а гитлеровцы одержат эту победу. Это станет катастрофой. Но дивизионный комиссар не из тех людей, которых можно посвящать в свои мысли. Все переиначит, все исказит... себе на пользу. Впрочем, дела на фронте Грунова уже мало интересовали.

— Никакой паники. И вы правы, мы разгромим фашистскую Германию. Не в этом, так в следующем году.

— Вот так-то лучше. А зачем вы хотели видеть меня?

— Чтобы передать командование корпусом до своего или генерала Воронина возвращения.

— Считайте, что передали. Аккуратнее на передовой.

— Конечно. Да, со мной едут ЗНШ и начальник разведки.

— Охрана?

— Четыре человека.

— Не мало?

— Мы же в своем тылу.

— Ну да, ну да. Что ж, удачи.

— Благодарю.

Дивизионный комиссар ушел.

Начальник штаба проводил его тяжелым взглядом. Начальник политотдела спустился по центральной лестнице, Грунов, забрав портфель, вышел на улицу через пожарный выход, дошел до разрушенного крыла. Завалы не разбирались, он специально не отдал команды на это.

Недалеко за поваленным забором стояли «эмка» и «ГАЗ-4», новый советский пикап. У первой машины — заместитель начальника штаба Дургин, начальник разведки Сазонов, водитель, младший сержант Белик. У «ГАЗ-4» — командир взвода штабной роты лейтенант Тернов — старший охраны, водитель ефрейтор Гусько. В кузове сержант Буленко, красноармейцы Каранян и Гурич.

Уже от развалин полковник подал команду:

— Все по местам!

Водитель и офицеры заняли места в автомобилях.

В «эмку» за старшего сел начальник штаба, позади Дургин и Сазонов, в «ГАЗ-4» — Тернов, Гусько и трое бойцов в кузове.

Полковник взглянул на Белика:

— Вперед, Боря, на Ленина, с нее сразу же на Заводскую, мимо госпиталя, на шоссе.

— Извините, товарищ полковник, — проговорил водитель, — а дальше куда?

— В N-скую стрелковую дивизию, в штаб.

— Понял.

— Но, Боря, — попросил начальник штаба, — по шоссе пройдешь не более километра, далее будет грунтовка, уходящая в лес, свернешь на нее.

Младший сержант удивился:

— Так мы на этой грунтовке подвеску оставим, товарищ полковник.

— Ничего. Лучше оставить подвеску, чем попасть под «Юнкерсы», а у немецкой авиации сегодня, похоже, загруженный день. Скоро вновь налетят на Ломов, ну и, естественно, не пропустят автомобили на шоссе.

Младший сержант вздохнул:

— И чего они так взялись за этот городок? Или у них других целей нет для бомбардировок? Та же передовая, областной центр.

— Немцам, Боря, возможно, стало известно, что в Ломове находится штаб корпуса, а это цель серьезная. Передовую же и областной центр они тоже не забудут.

— Понятно. Заявились, суки, на нашу голову. И чего люди воюют, товарищ полковник? Жили бы в свое удовольствие, кто в Союзе, кто в Германии. Ведь и у них революция была.

— Что, хорошо жил, Боря, в своем колхозе?

— Неплохо. У нас колхоз большой... был. Под пять тысяч народу, клуб двухэтажный, прямо перед войной поставили, своя школа начальная, когда меня призывали, начинали строить семилетку. Больница хоть и небольшая, а все есть где подлечиться. Особенно хорошо летом, как сейчас. Как стемнеет, после клуба возьмешь девчонку, и к реке. Там голыми в воду, потом... ну, сами понимаете. Нет, хоть и прижимали с работой, но жили хорошо, в достатке, в город особо никто не рвался.

Полковник спросил:

— Ты ведь женатый у нас?

— Не-е, это Гусько женатый. Мы с ним с одного села. Вместе призывались.

— А ты, значит, девок портил?

Младший сержант утер нос.

— Не без этого, но с их согласия. Не насильничал. Были у меня...

Начальник штаба прервал младшего сержанта:

— Потом, Боря, расскажешь, смотри вперед, за подъемом поворот на грунтовку.

— Понял.

Колонна свернула в лес, пошла по извилистой грунтовке.

Лейтенант Тернов, старший группы охранения, удивился маневру «эмки»:

— И чего они на грунтовку ушли? Это же крюк какой до штаба дивизии!

Гусько спокойно ответил:

— Начальству виднее, товарищ лейтенант. Думаю, начальник штаба боится налета авиации. Ведь в лесу нас не видно с воздуха, а шоссе — как

на ладони. Немцы же большие любители поохотиться за командирскими машинами.

— Наверное, ты прав.

— Вот только впереди разрушенная деревня Стеренька вдоль берега реки Стерны, через реку мост. Если он тоже разрушен, как и деревня, то придется возвращаться. Стерна хоть и неширокая река, а глубокая.

— Ты откуда знаешь?

— Ездили туда с командиром роты.

— Да? — удивился лейтенант. — И зачем, если не секрет?

— Вы ротному не скажете?

— Нет, слово офицера.

— Медсестра у него там в госпитале. С ней и выехали в Стереньку. «ГАЗ-4» удобная машина. В кузове места для любовных утех более чем достаточно, и из-за бортов не видно. А пока они миловались, я пошел искупаться. Как раз у моста. Он тогда целый был. Сунулся — от берега сразу глубина, прошел вдоль всей деревни, спешить-то некуда, в одном месте только мелко, но на середине с головой.

— Ну, капитан, молодец. И что за медсестра?

— Извините, товарищ лейтенант, этого не скажу. Не мое это дело.

— И правильно. Ну что ж, будем надеяться, что мост сохранился и не придется возвращаться. А Грунов верно поступил, что свернул в лес. Утренней бомбардировкой сегодня дело не кончится. Налетят «крестовые» еще пару раз, если уж взялись за Ломов. Ты, Леша, не жмись к «эмке», соблюдай дистанцию, а то резко затормозит, и сомнешь ей зад.

Водитель «ГАЗ-4» сбавил скорость.

Поездка по лесу заняла около получаса. В это время над лесом пролетели две «рамы». В основном эти самолеты использовались немцами в разведывательных целях, но могли и атаковать. На вооружении они имели два пулемета, могли нести четыре пятидесятикилограммовые бомбы. Далеко не безобидные «птички». Самолеты ушли в сторону городка, это говорило о скором повторном налете «Юнкерсов».

Гусько, когда стих шум самолетов, взглянул на взводного:

— А ведь Грунов как в воду смотрел. Будь мы на шоссе, эти «рамы» могли разнести нас в клочья.

— Могли разнести, а могли и уйти, это смотря какая задача поставлена экипажам, но то, что в лесу намного надежнее и безопаснее, очевидно. Через кроны пилоты нас не видят.

— Не появились бы они у Стереньки. К деревне дорога выходит из леса и идет по полю где-то с километр.

— Воздушная разведка ушла, а налет немцы проведут на город, так что беспокоиться не о чем.

— Интересно, где наши «Яки» с военных аэродромов армии?

— Там, где надо. Да и в полках не более восьми-десяти истребителей. Немцы, атакуя утром Ломов, девять бомбардировщиков прикрывали шестью «мессерами». У них с авиацией порядок.

— И у нас был бы порядок, если бы в начале войны не потеряли и аэродромы, и самолеты.

— Ничего, промышленность работает, американцы помогают по ленд-лизу, скоро наши начнут гонять «мессеры».

Водитель вздохнул:

— Ну дай-то бог!

Лейтенант удивился:

— Ты, ефрейтор, комсомолец?

— Не-е, — улыбнулся водитель, — кандидат в члены ВКП (б).

— Тем более, а бога поминаешь?

— Невольно вырвалось. Да и чего греха таить, на передовой перед боем все молятся: и партийные, и беспартийные, и красноармейцы, и командирский состав.

— Ты прекрати это.

— Есть! А вот и поле.

«Эмка» пошла по грунтовке открытого места. Она шла прямо к развалинам, к мосту. Младший сержант Белик увеличил скорость.

Его примеру последовал и Гусько.

Пассажиров затрясло, из кузова донеслось:

— Эй, водила, не дрова везешь.

Тернов крикнул бойцам охраны:

— А ну отставить разговорчики, смотри, какие нежные.

«Эмка» резко затормозила у реки. Мост был разобран. Именно разобран, а не разрушен. Бревна валялись тут же, на берегу.

Лейтенант Тернов сориентировался мгновенно:

— Группа, к бою!

Бойцы выскочили из кузова, укрылись в ближних развалинах.

Вышли из «эмки» и офицеры.

Тернов крикнул начальнику штаба:

— В укрытие, товарищ полковник. Кто-то специально разобрал мост. Это может быть засада.

Но старшие офицеры на удивление вели себя спокойно.

— Лейтенант, — ответил начальник разведки, — кому здесь, в этой глуши, устраивать засаду? На кого? По этой грунтовке никто не ездит.

Тернов поднялся, подошел к офицерам.

— Но кто-то же разобрал мост!

Дургин усмехнулся:

— Да наши и разобрали.

— Зачем?

— Ты не слышал о диверсионных группах? Вот разведвзвод или какое другое подразделение N-ской дивизии и разобрали мост. С той стороны теперь только вплавь можно переправиться.

— Но тогда проще было подорвать его.

Вперед вышел начальник штаба:

— Как думаешь, лейтенант, если бы тут была устроена засада, стояли бы мы на берегу и вот так спокойно беседовали?

Тернов смутился:

— Никак нет. Нас уже отправили бы на тот свет. Но разрешите осмотреть развалины?

— Это только время терять. Бери своих бойцов, водителей, и давайте укладывайте бревна обратно. Полчаса вам на восстановление моста.

— Но... мы охрана.

Грунов повысил голос:

— Тебе не понятен приказ, лейтенант?

— Никак нет, все понятно. Разрешите выполнять?

— Давно пора.

Тернов передал бойцам команду:

— Ко мне!

Подошли и охрана, и водители.

— Оружие сложить у «эмки», снять гимнастерки и класть бревна на пролеты. Вперед!

Находившийся рядом с Терновым сержант Буленко проговорил:

— Не нравится мне все это, товарищ лейтенант.

— А мне, думаешь, нравится?

— Разрешите хотя бы одного бойца с автоматом держать в развалинах. Если что, прикроет или предупредит.

— Ты приказ начальника штаба корпуса слышал?

— Слышал.

— Он что-нибудь сказал о прикрытии?

— Никак нет!

— Ну, тогда и трепаться нечего. Восстанавливайте мост. За обстановкой я прослежу.

— Ну тогда оружие оставлять не надо.

— Хорошо, работайте с оружием, только мешать оно будет.

— Ничего. Как-нибудь.

Полковник крикнул:

— Лейтенант, до тебя плохо доходит? Я приказал восстановить мост и не болтать почему зря. Работать быстрее.

— Есть, товарищ полковник.

Он кивнул бойцам. Те сняли ремни, гимнастерки, но автоматы и винтовки оставили при себе.

Видя это, начальник разведки крикнул:

— Умора, да и только. Тернов, ты чего показуху устраиваешь? Оружие будет мешать.

— Так безопаснее.

Старшие офицеры рассмеялись.

Тернов подумал: «И чего смеются? А вообще ведут себя странно. Их словно подменили: в штабе были всегда подтянутыми, строгими, а здесь вдруг расслабились. Хотя обстановка к этому не располагает».

Он встал за «эмку», привел «ППШ» к бою.

Бойцы начали таскать бревна, укладывая их на опоры.

Тернов внимательно осматривал округу. Никого. Может, он напрасно нервничает? И все же что-то здесь было не так.

Бойцы управились за двадцать минут.

Потный сержант Буленко доложил:

— Товарищ лейтенант, мост восстановлен, разрешите искупнуться, пот и грязь смыть.

Тернов повернулся к начальнику штаба:

— Товарищ полковник, можем ехать, но бойцы вспотели, испачкались, разрешите обмыться?

Грунов улыбнулся:

— Конечно, пусть обмоются. Надеюсь, в реку твои бойцы оружие брать не будут?

— Мои нет, ваш водитель — не знаю.

— Он не глупее твоих. Десять минут вам. В 10.20 продолжаем движение.

— Есть.

Лейтенант отдал команду:

— Десять минут окунуться. Вперед.

Бойцы и водители зашли в воду.

Тернов встал на берегу, продолжая отслеживать обстановку.

Вдруг в развалинах что-то блеснуло.

Он вскинул автомат:

— Товарищ полковник, деревня!

— Что «деревня»?

— Там кто-то есть, я проверю?

Ответил начальник разведки:

— Да собака или кошка одичавшая там.

— Они шума не поднимают.

Грунов сказал:

— Ну, если хочешь, проверь. Товарищи офицеры, оружие к бою.

Полковник, заместитель и начальник разведки достали пистолеты «ГТ», передернули затворы.

«Ну хоть так», — подумал Тернов, направляясь в развалины.

Он прошел метров десять до первого заваленного плетня. И тут услышал, как хлопнул выстрел, почувствовал резкую боль в спине. Не понимая, что произошло, повернулся. От «эмки» в него выстрелил майор Сазонов, следом прогремели автоматные очереди.

«Почему?» — единственное, что успел подумать лейтенант перед тем, как рухнуть на плетень.

А с берега, подняв автомат, купавшихся бойцов хладнокровно расстреливал подполковник Дургин. Ему хватило нескольких очередей, чтобы убить и водителей, и группу охраны. Они находились у берега, кучно.

Тела поплыли по течению, довольно сильному здесь, отчего-то перевернувшись спинами вверх.

Подполковник опустил автомат, взглянул на Грунова:

— Ну вот и завершился первый этап, Дмитрий Алексеевич.

Начальник разведки подошел к телу Тернова, выстрелил ему в затылок. Сунул пистолет в кобуру, вернулся к офицерам.

— Готов лейтенант. Он что-то заподозрил.

— Теперь это не важно, — взглянув на часы, сказал начальник штаба, — важно другое: где немцы? Они должны были войти в Стереньку двадцать минут назад.

Дургин проговорил:

— Подойдут. Тропой лесной от временной базы идут. По нашей карте, а по ней и заблудиться недолго. Выйдут, к реке с той стороны много троп подходит. И потом...

Он не закончил. С северной стороны из леса вышла группа мужчин, одетых в советскую полевую форму сержантов и красноармейцев.

Шедший впереди махнул рукой. Полковник ответил тем же.

— Ну вот и наши.

— Наши? — встрепенулся Сазонов.

Грунов рассмеялся:

— Конечно, наши, кто же еще?

— Вы имеете в виду группу встречи?

— Сазонов, ты что, от Тернова заразился? Кто еще может выйти к нам?

— Ну да, извините, товарищ полковник, заклинило.

— Смотри, чтобы больше не заклинивало, немцам такие не нужны.

Группа «красноармейцев» прошла мост. Старший вскинул руку:

— Хайль Гитлер, господин полковник.

— Хайль, гауптман, вы опоздали.

— Нет, полковник, задержались. Немного отошли от основной тропы. Ваши карты — это какое-то недоразумение.

— Пользовались бы своими.

— Те еще больше запутают.

Он пожал руку полковнику, Дургину, Сазонову. Подозвал остальных, представил:

— Знакомьтесь, господа, обер-лейтенант Вилли Глаузер, лейтенант Георг Ройле, фельдфебели Райнер Денберг и Дитмар Моппер. Последний — и водитель, и радист.

За спиной у фельдфебеля в ранце — радиостанция.

Представил гауптман своих подчиненных и советских офицеров. Бывших советских офицеров. После чего гауптман Хальзер сказал:

— Нам надо выйти на связь с командиром батальона, подразделение которого должно обеспечить нам проход линии фронта. Вы должны знать, откуда можно это сделать.

— А достанет ваша радиостанция до вашего комбата, Альрих?

— О да. Это хорошая радиостанция. Новая, из серии последних разработок.

— Тогда связывайтесь. Ни в корпусе, ни в дивизии не ведется радиоперехват и пеленгация. Не до этого. — Он улыбнулся. — Слишком быстро вы наступали, гауптман. Но блицкриг вам все же не удался.

— За Москву наша армия возьмет реванш под Сталинградом. Да, генеральный штаб недооценил упорство, с каким воюют русские солдаты, но это и еще ваши проклятые морозные зимы и непроходимые дороги отсрочили победу рейха. Но только отсрочили. Непобедимая германская армия совместно с союзниками разгромит Красную армию. И в

этом мое руководство рассчитывает и на тот вклад, который должны внести вы в нашу общую победу.

— Мы оправдаем надежды, гауптман.

Старший гитлеровской диверсионно-штурмовой группы кивнул радисту:

— Разворачивай станцию, Дитмар. Вызывай майора Шломмера.

— Слушаюсь, господин гауптман.

Радист устроился позади «эмки». Снял ранец, выставил радиостанцию, лучевую антенну перебросил через автомобиль, провел настройку, начал вызывать:

— «Вольфа» вызывает «Ферстер»! Прием! — Поморщился от треска и шумов. Повторил: — «Вольф»! Я — «Ферстер», прием!

И так несколько минут, наконец Моппер воскликнул:

— Есть связь, господин гауптман.

Командир диверсионной группы взял гарнитуру:

— «Вольф», как слышишь?

Откуда-то, словно из-под земли, донеслось:

— Слышу, «Ферстер».

— Где «Первый»?

Раздался голос постарше:

— На связи!

— Докладываю, первый этап завершен, нужных людей встретил, выдвижение в квадрат...

Он назвал условный квадрат, несмотря на заверения Грунова, что радиостанция не отслеживается.

— Это... понял. Туда, откуда должна пойти посылка.

— Да. Обеспечьте прием. Сигнал для активных действий прежний. Проход там же.

— Понял, прием посылки обеспечим.

— До связи, «Вольф».

— Удачи и до встречи.

Гауптман бросил гарнитуру радисту:

— Сворачивай станцию и в кузов, под лавку, в ящик.

— Слушаюсь.

Гауптман, имевший петлицы сержанта РККА, подошел к Грунову:

— Можем ехать, господин полковник.

— Как поедem?

Хальзер не понял:

— В смысле — как?

— Я имею в виду по обычному маршруту?

— Конечно.

— Кто будет за водителей?

— Фельдфебели Денберг и Моппер.

— Но последний, как я понимаю, радист.

— Он и радист, и водитель. Вы с подчиненными в «эмке», я с Глаузером и Ройле в «ГАЗ-4». Кстати, из штаба корпуса в дивизию не могли передать, с какой по численности охраной вы выехали?

— Нет. Тем более что в штабе дивизии никому в голову не придет проверять это.

— Даже особистам?

— Даже им.

— Хорошо, тогда обмундирование ваших солдат и труп лейтенанта — в реку, дальше рассаживаемся по машинам, проходим мост и встаем.

— Встаем? Почему?

— Нам надо забрать сумки с маскировочными халатами. Думаю, они не будут лишними при переходе линии фронта.

Полковник ответил:

— Если ваши обеспечат проход как надо, могут не потребоваться.

Гауптман усмехнулся:

— Не ваши, полковник, а наши. И давайте больше не повторяться.

— Как говорят, гут, герр гауптман.

Диверсанты собрали гимнастерки, связали в узел, уложили в него камни, бросили в воду. Потасили к берегу труп Тернова, закинули в реку, забрали пистолет, подобрали автоматы, винтовки, лишние забросили в реку.

Колонна миновала мост, остановилась.

Из кузова «ГАЗ-4» выпрыгнул лейтенант Ройле. Он, как и все диверсанты, кроме Хальзера, был одет в форму красноармейца. Скрылся в кустах. Вскоре вернулся, бросил в кузов две увесистые сумки.

Хальзер подал знак Грунову, и «эмка» пошла вперед по извилистой лесной дороге.

Около шести километров проехали спокойно. С запада показалась авиация немцев: три звена «Юнкерсов» под прикрытием шести «мессеров» — наверняка налет на Ломов.

С заднего сиденья Сазонов, наклонившись вперед к Грунову, спросил:

— Интересно, на этот раз уцелеет штаб корпуса?

— Это так важно?

— А госпиталь?

Полковник повернулся:

— А что за баба у тебя в полевом госпитале?

— Баба как баба: тридцать лет, медсестра, разведена, где-то на Урале двое детей у родителей. Но в постели хороша, этого не отнять.

— Потому и спал с ней?

— Ну не для того же, чтобы жениться?

— А ведь, наверное, обещал.

— Обещал, врать не буду, а кто не обещает? Бабы чувствуют, когда мужики врут, но хотят верить, потому и не отказывают. Мужику баба нужна больше, чем бабе мужик.

Дургин усмехнулся:

— Это смотря какому мужику.

Грунов прервал их разговор:

— Отставить болтовню, посерьезнее будьте, господа офицеры.

Водитель, фельдфебель Денберг, прекрасно понимавший по-русски, слушал бывших уже советских офицеров и лыбился. Поэтому полковник и оборвал подчиненных.

Дерево упало на грунтовку неожиданно, метрах в пятидесяти от колонны. Водители по-немецки выругались.

Из леса вышли красноармейцы с винтовками, с ними лейтенант. Молодой, лет двадцати, видно, только недавно прибыл из училища.

Солдаты взяли автомобили на прицел.

Лейтенант поднял руку, подошел к «эмке», увидел петлицы Грунова, вытянулся по струнке:

— Товарищ полковник, извините, тыловой пост охранения штаба дивизии. Я лейтенант Круглов, разрешите ваши документы?

Грунов открыл дверку:

— А что это за цирк вы тут устроили, лейтенант? Не пост, а какая-то партизанщина. Что за фокусы с поваленным деревом?

Лейтенант замялся, покраснел:

— Таковы были инструкции командира роты.

— Недавно в войсках?

— Две недели.

— Понятно, разыграл тебя твой ротный. Но с ним мы еще разберемся. А документы? Пожалуйста.

Он показал удостоверение.

Лейтенант смутился, немного покраснел:

— Начальник штаба корпуса? Еще раз извините, товарищ полковник. Меня почему-то не предупредили, что вы должны подъехать. Да еще этой дорогой.

— Грунтовка, лейтенант, выбрана не случайно, она большей частью проходит лесом, а это защита от авиации. Понял?

— Так точно, товарищ полковник.

— Документы вернешь или решил на память себе оставить?

— Вот, пожалуйста.

— Ничего, лейтенант, скоро пройдет боязнь начальства. Поначалу так почти у всех бывает. У тебя пост оборудован?

— Так точно, немного глубже: блиндаж, траншеи — все как положено.

— Связь со штабом дивизии?

— Есть. Проводной телефон.

— Странно было бы, если бы тебе дали радиостанцию. Ты вот что, как зовут-то?

— Максим. — Лейтенант вновь отчего-то покраснел.

— Ты вот что, Максим, как мы проедем, сообщи в штаб дивизии, чтобы встретили.

— Может, вам сопровождение дать?

— Эх, лейтенант, знал бы, сколько раз я тут бывал. Не хуже комдива знаю расположение частей и коммуникации. Ты понял меня?

— Так точно.

— Сам пост закрыт?

— Так точно, передвижное проволочно-деревянное заграждение.

— Пусть солдаты откроют. И обязательно сообщите в штаб о нашем с офицерами прибытии.

— Есть, товарищ полковник.

Лейтенант отдал команду. По грунтовке за изгиб леса побежали два солдата.

— Удачи тебе, лейтенант, — сказал Грунов, засовывая удостоверение в карман. И приказал водителю, называя гитлеровца именем убитого красноармейца: — По-тихому вперед, Борис.

Вскоре колонна въехала в село Березовое, где располагался штаб дивизии. Командир соединения с бригадным комиссаром и начальником штаба уже ждали начальство.

Как только «эмка» остановилась у крыльца большого дома, бывшего правления колхоза, комдив двинулся к машинам. Козырнул начальнику штаба корпуса:

— Товарищ полковник, в подчиненном мне соединении...

Грунов отмахнулся:

— Знаю, что происшествий у тебя не было, Семен Аркадьевич. Как сам-то?

— Да нормально, пока держимся.

Начальник штаба корпуса пожал руку полковнику Литовцеву.

Бригадный комиссар, начальник политотдела соединения, не поприветствовав Грунова, цинично проговорил:

— Ну почему, Семен Аркадьевич, пока держимся? Полки, отдельные батальоны, дивизионы, роты основательно закрепились на новых рубежах. Немцам придется очень постараться, чтобы прорвать оборону.

Комдив взглянул на начальника политотдела:

— Не сомневайся, Богдан Владимирович, постараются и так, что... но это уже лишнее.

Грунов кивнул:

— Вот именно.

Он кивнул бригадному комиссару Будко:

— Вы, Богдан Владимирович, занимайтесь своими делами. Начальнику штаба — подготовить всю секретную документацию. Я посмотрю ее позже.

НШ дивизии полковник Чеканов и начальник ПО бригадный комиссар Будко удалились в штаб.

На дворе остались Грунов и Литовцев, чуть позади, у «эмки», Дургин и Сазонов.

Грунов достал пачку «Казбека», протянул комдиву:

— Угощайся.

Старшие офицеры закурили.

Осмотревшись, Грунов взглянул на комдива:

— Значит, говоришь, пока держитесь?

— Так точно.

— И что означает «пока»? По-моему, комиссар более оптимистично смотрит на обстановку.

— На то он и политработник, а обстановка в зоне ответственности дивизии, о чем я уже дважды докладывал в штаб корпуса, становится все напряженнее, Дмитрий Алексеевич.

— В чем это выражается? Ты извини, последнее время делами с передовой занимался ПНШ, а мне была поставлена задача из штаба армии, потому я не в курсе.

— Может, пройдемся, Дмитрий Алексеевич? Или поднимемся в мой кабинет?

— Нет, в кабинет если пойдем, то позже, дела, и насиделся я в машине. Если ты устал, то другое дело.

— Да уж ночь пришлось провести бессонную.

— Что произошло?

— Немцы пытались провести разведку боем. Механизированная рота на «Ханомагах.251», усиленная танковым взводом, пыталась прорваться в районе 210-го стрелкового полка. Отбились благодаря своевременному введению в бой гаубичного дивизиона и отдельной пулеметной роты. Четыре бронетранспортера уничтожены, один танк поврежден, пехоты положили десятка два. Кутерьма продолжалась с трех до пяти часов. У нас тоже есть потери и в личном составе, и в технике. Немецкие танки уничтожили один артиллерийский расчет, повредили орудие, две машины, хорошо без боеприпасов. Три бойца погибли, восемь ранены, из них двое тяжелых. Раненых отправили в медсанбат.

Начальник штаба корпуса спросил:

— И как близко к линии обороны удалось подойти усиленному подразделению прорыва?

— На расстояние от тридцати до пятидесяти метров.

Грунов удивился:

— Так близко? А где же саперный батальон? Почему не выставили мины непосредственно у передовой?

— Где бы еще взять эти мины? Нет, противопехотные есть, а вот с противотанковыми просто беда. Все, что было, выставлено, арсенал батальона пуст. Я направлял заявку, кстати, — он кивнул на ЗНШ, — подполковнику Дургину, ответа не дождался.

— Разберемся на месте. Будут тебе мины. На корпусных складах они есть.

— Это хорошо.

— Что еще тебя тревожит?

Командир вздохнул:

— Немцы стягивают к линии фронта технику. В основном танки. Полковой разведке того же 210-го полка удалось пройти по тылам гитлеровцев. Вести нерадостные.

— Говори понятнее.

— В дивизии, что стоит против нас, танков в два раза больше положенного по штату. Подтянули гитлеровцы и еще один артиллерийский полк. В лесу, в тылу дивизии, раньше стояли танковые части, сейчас в нем три моторизованных батальона, две минометные батареи. В небе постоянно висят «рамы». Вот и оценивайте, Дмитрий Алексеевич, обстановку. По сути, немцы усилили свою дивизию до двух соединений. Учитывая их возможности в воздухе, соотношение сил явно не в нашу пользу.

— Понятно. Ты отправил доклад по текущей обстановке?

— Начальник штаба составил, я подписал, хотел отправить, а теперь передам вам здесь, на месте.

— Хорошо. Изучим обстановку, примем меры. Я доложу командиру корпуса о необходимости усилить твою дивизию подразделением резерва.

— Мне бы танков и артиллерии.

— Решим вопрос, Семен Аркадьевич. Полностью, конечно, все дыры не закроем, но поможем.

— И на том спасибо. Время обеда, Дмитрий Алексеевич.

Грунов, взглянув на Хальзера:

— Поеду в 210-й полк, посмотрю, где немцы пытались прорваться, там же в полку и пообедаю.

— Я дам вам сопровождающего.

— Не надо, Семен Аркадьевич, я знаю, как проехать к полку. А там командир встретит.

— Хорошо. Я вам нужен?

— Да нет. Обстоятельно поговорим, когда вернусь. Обсудим обстановку, а ты пока подготовь полный перечень того, что требуется соединению.

— Есть, товарищ полковник.

Командир полка майор Строгин встретил начальника штаба корпуса у своего блиндажа. Вскинул руку, шагнул для доклада.

Грунов перебил его:

— Отставить, Андрей Васильевич, я ненадолго, посмотрю, где пытались прорваться немцы.

— Это в районе второй роты первого батальона, а вот, кстати, и комбат.

— Позовите.

Командир полка окликнул раненого офицера.

Тот подошел, представился:

— Командир 1-го стрелкового батальона, майор Терентьев.

— Начальник штаба корпуса полковник Грунов.

Комбат улыбнулся:

— Я в курсе.

— Значит, ваш, майор, батальон пресек попытку прорыва?

— «Пресек» громко сказано, основную работу сделала артиллерия и пулеметчики отдельной пулеметной роты. Ну и мы внесли, конечно, свою лепту.

— Мне надо посмотреть место прорыва.

Майор Терентьев взглянул на командира полка, тот кивнул:

— Проводи, Николай.

Офицеры и охрана прошли на передовую в расположение третьего взвода, второй роты. На передовой их встретили ротный, лейтенант Самедов и командир взвода старшина Агарян. После тяжелых, кровопролитных боев в полку, как и во всем корпусе, был недостаток в офицерских кадрах. Молодых, только из училища, лейтенантов назначали ротными, а где-то и комбатами, взводами в большинстве случаев командовали старшины и сержанты.

Комбат представил начальство, спросил у Грунова:

— Разрешите отлучиться, товарищ полковник, мне надо боеприпасы для батальона получить. А о ночной попытке прорыва вам все обстоятельно доложит командир роты.

— Да, конечно, занимайтесь, — разрешил начальник штаба корпуса.

Комбат ушел. Возле пулеметной позиции, в траншее, где находились еще два стрелка, остались Грунов, Дургин, Сазонов и гауптман Альрих Хальзер с группой.

Начальник штаба корпуса взглянул на гауптмана. Тот кивнул, что означало: переход здесь.
Полковник перевел взгляд на Самедова:
— Докладывай, лейтенант.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Самедов доложил о внезапном обстреле, появлении танков на возвышенности метрах в восьмистах от передовой, которая хорошо видна отсюда.

— Они сразу открыли огонь.

— Сколько было танков?

— Взвод, четыре Т-IV. Они как раз разместились на возвышенности. Из глубины били гаубицы, минометы, пришлось укрыться. В это время немцы сняли свои заграждения и в поле, на нейтральную полосу вышли бронетранспортеры, поливая передний край из пулеметов, пехота сначала была в бронетранспортерах, затем спешилась.

— Механизированная рота имела «Ханомаги»? — спросил начальник разведки.

— Так точно, 251-е. Тут уже ударил наш артиллерийский дивизион. Со второго эшелона подошла пулеметная рота, открыла огонь по пехоте, ну и мои бойцы, придя в себя, начали стрелять. Потеряв три «Ханомага», танк и около взвода пехоты, разведывательная группа под прикрытием все той же гаубичной артиллерии отошла назад. Что характерно, тела погибших гитлеровцы забрали.

Спросил Дургин:

— Подойдя вплотную к вам, имея еще два танка и не менее семи бронетранспортеров и два взвода пехоты, немцы отступили?

Лейтенант ответил:

— Так точно, по ним открыли огонь другие роты батальона, минометный взвод. Да и артдивизион продолжал стрелять. К тому же в ротах есть свои пулеметные взводы и противотанковые расчеты.

Грунов неожиданно спросил:

— Это был твой первый бой, лейтенант?

— В качестве командира роты — да, до этого я воевал взводным. Но недолго. Меня в полк прислали из училища в мае месяце. Досрочный выпуск. Прибыл младшим лейтенантом, а как назначили командиром роты вместо погибшего капитана, присвоили лейтенанта.

Начальник штаба корпуса кивнул:

— Понятно. В полку таких много.

— Зато комбат у нас опытный. С финской воюет.

— Терентьев? Этот, да. Его пора уже на полк ставить. Наверное, придется, потери несем большие.

Лейтенант вздохнул:

— К сожалению.

Начальник разведки спросил:

— И после попытки прорыва на линии фронта спокойно?

— Так точно, ну если не считать, что пару раз налетали четыре «Юнкерса», одного, кстати, сбили наши пулеметчики. Самолеты особого вреда не нанесли — вспахали поле перед передовой и ушли. Как будто приказ такой имели.

Грунов переглянулся с Хальзером, кутившим самокрутку неподалеку.

Лейтенанту и в голову не могло прийти, что он на все сто процентов прав. И «попытка» проведения разведки, и авиационный налет были звеньями одной цепи в общей операции абвера.

По траншее пробежало:

— Рота, обед! Бери, мужики, котелки, повара кашу принесли.

Грунов перевел взгляд на Самедова:

— Вам пищу доставляют качественную?

— Так точно, по питанию вопросов нет.

— Это хорошо. И прямо в траншее?

— Так точно, но ближе к общему блиндажу.

На время завтрака, обеда и ужина на позициях остается только один пулеметный расчет и по два бойца с каждого взвода в качестве наблюдателей.

— А если в это время немцы пойдут в атаку? — спросил Дургин.

Самедов ответил:

— Так чтобы вернуться на исходные, всего пара минут потребуется.

— Понятно, ну идите, лейтенант, пообедайте и проследите, чтобы личный состав был накормлен.

— За этим вообще-то младший политрук смотрит.

— А за роту отвечает кто?

— Ротный, я понял. Вопрос разрешите?

— Давай!

— Вы с нами не пообедаете?

— Нет, лейтенант, спасибо, мы пообедаем в штабе.

— Понял. С вами останется старшина Агарян, мало ли еще возникнут вопросы, или пожелаете осмотреть всю линию обороны, мы же на фланге дивизии, на стыке двух корпусов.

— Хорошо, пусть остается.

Из-за изгиба траншеи вышел бравый старшина, представился:

— Командир третьего взвода второй роты.

— Хорошо, старшина, — усмехнулся Грунов, — как я понимаю, мы на участке твоего взвода?

— Так точно.

— А где пулеметный расчет, который остается на время приема пищи?

— Так рядом, в десяти метрах отсюда, пулеметная точка, ближе к стыку.

— А бойцы-наблюдатели?

Старшина удивленно посмотрел на начальника штаба. Странно, этому полковнику до всего есть дело.

— В пяти метрах от пулемета и в десяти в обратную сторону, на фланге еще один, рядом с расположением второго взвода.

— Ясно. Ты откуда родом, старшина?

— Из Севана, есть такое село на берегу знаменитого озера Севан.

— Слышал. Красиво, наверное, там у вас?

Старшина вздохнул:

— Очень красиво. Увижу ли еще свое родное село?

— Это как карта ляжет.

— Да.

— Доложи о состоянии дисциплины в роте.

Взводный нахмурился. В подразделении бывало

всякое, но он не стукач, чтобы докладывать, для этого с лихвой хватало политука.

Пока полковник вел пустой разговор со старшиной, гауптман Хальзер и обер-лейтенант Вилли Глаузер незаметно отошли от позиции, пошли по траншее в сторону пулеметной точки. Наблюдателя они увидели, как и говорил ротный, сразу же за вторым изгибом траншеи.

Красноармеец встрепенулся, выскочил от ячейки, наставил винтовку на неизвестных:

— Стой! Кто такие?

— Спокойно, солдат, спокойно, — усмехнулся Хальзер, — мы группа охраны начальника штаба корпуса, который беседует с твоим взводным, старшиной Агаряном недалеко отсюда.

— А чего пошли по траншее?

— Понимаешь, отлить бы. А где, черт его знает.

Красноармеец рассмеялся:

— Да отлейте вон хоть на стену траншеи. Земля сухая, высохнет быстро. Место для справления нужды, конечно, есть, но у блиндажа и возле позиции пулеметчиков. Но коли невтерпеж, то можете и на стену.

— Ты-то, наверное, так и поступаешь?

— Ну не терпеть же!

Пока они говорили, Хальзер и Глаузер вплотную подошли к солдату, который уже взял винтовку на плечо — чего наставлять ее на своих?

— Нет, пожалуй, мы дойдем до позиции пулеметчиков, взводный твой говорил, они метрах в пяти отсюда?

— Как хотите, а до пулеметной ячейки действительно пять метров, два изгиба, и увидите. Толь-

ко заранее обозначьте себя, а то там заряжающий Колька Батон — мужик резкий, может и пальнуть.

— Разберемся.

Хальзер кивнул Глаузеру.

Тот, улыбнувшись, ловко извлек из-за пояса нож и резанул по шее красноармейца. У бойца раскрылись от удивления глаза, он еще смог опустить голову, посмотреть, как гимнастерку заливают кровью, и рухнул на землю, забившись в судорогах. Диверсанты умеют бесшумно убивать.

Хальзер сказал Глаузеру:

— С пулеметчиком так не получится. Тем более там на позиции какой-то слишком резвый солдат. Придется метать ножи.

Глаузер пожал плечами:

— Метать так метать, мне все равно.

— Выходим.

— Не забудь обозначить себя, а то этот, как его... Батон откроет сдуру огонь.

— Само собой.

Гитлеровцы дошли до второго изгиба траншеи.

Хальзер крикнул:

— Эй, мужики, спокойно, мы охрана начальника штаба корпуса. Пришли проверить, как вы несете службу.

— Ну раз пришли, выходите.

Диверсанты вышли на площадку. Пулеметное гнездо имело большие размеры по сравнению с обычной стрелковой ячейкой. Пулеметчик и заряжающий сидели на патронном ящике, слюнявили самокрутки и с интересом смотрели на пришедших.

Диверсанты одновременно метнули ножи. Младшему сержанту клинок вонзился в сердце,

красноармейцу в горло. Оба ранения смертельные.

Оттащив трупы ближе к пулемету, немцы осмотрелись и не спеша двинулись обратно. Вернувшись, встали как ни в чем не бывало на прежнем месте.

Хальзер едва заметно кивнул Грунову — пулеметчики и наблюдатель уничтожены. Тут же подошли с другой стороны лейтенант Ройле и фельдфебель Денберг. Показали — порядок.

Моппер с радиостанцией оставался вместе с офицерами.

— Ну что ж, посмотрели мы тут все, ступай, старшина, обедай, — сказал начальник штаба корпуса.

— Мне приказано находиться с вами.

— Да, допустил твой ротный роковую для тебя ошибку.

— Что? — не понял старшина.

— Зря, говорю, он приказал тебе остаться. Глядишь, и вернулся бы ты в свою Армению, а теперь — не судьба.

Старшина потянулся к кобуре, но в спину ему всадил нож Сазонов:

— Тихо, старшина, тихо, уже все.

Грунов взглянул на Хальзера:

— Теперь твоя работа, Альрих.

— Да, господин полковник.

Он скомандовал:

— Ройле, Денберг, прикрывать подход от блиндажа. Валить всех, кто попытается прорваться.

— Да, господин гауптман, — ответил старший по званию Ройле.

Хальзер извлек из сумок маскхалаты:

— Будем надевать?

— Время только потеряем, — сморщился Грунов, — так проскочим.

— Ну, ваше дело. И зачем только тащили?

Он отбросил сумку с маскировочными халатами к стенке траншеи, достал ракетницу. Над позицией стрелковой роты взмыла белая ракета.

Ее засекли, послышался отдаленный крик:

— Кто пустил? По чьему приказу? Что за шутки?

Но крики оборвались неожиданной канонадой и фонтанами разрывов гаубичных снарядов за передней линией обороны первого стрелкового батальона. Были слышны обрывки команд, крики людей, тонущие в общем грохоте. Ударила и минометная батарея. Она накрыла полосу перед траншеей, сбивая проволочные заграждения.

Хальзер внимательно смотрел на нейтральную полосу.

Артиллеристы перевели огонь ближе к линии обороны, минометы стали бить по двум площадям от позиции роты почти до возвышенности, своих позиций, оставляя при этом свободное узкое пространство, так называемый коридор.

Хальзер повернулся к начальнику штаба корпуса:

— Пора. Идем так: впереди я, со мной обер-лейтенант Глаузер, следом господин Грунов, с ним подчиненные, замыкают Ройле, Денберг и Моппер.

От позиции прикрытия дали несколько очередей Ройле и Денберг, видимо, ротный послал бойцов вывести начальника штаба корпуса из-под огня в безопасное место. Метнув в траншею гранаты,

лейтенант Ройле и фельдфебель Денберг отошли к основной группе.

Хальзер отдал команду:

— Вперед! — и первым выскочил из траншеи.

За ним рванул Глаузер и далее по расчету. Их увидели с возвышенности — артиллерия перевела огонь на второй эшелон батальона.

Предатели и диверсанты бежали что есть силы. Их в любую минуту могли зацепить снайперы батальона, выведенные под обстрелом к передовой линии. Тем более что и советский дивизион открыл ответный огонь.

Отменной физподготовкой Грунов не отличался — начал отставать, его подхватил Сазонов. Это заметил Хальзер. Выстрелил в небо вторую ракету. Тут же из-за возвышенности к бегущим на всей скорости выскочил бронетранспортер «Ханомаг.251». Пулеметчик на ходу начал стрелять по всей ширине участка третьего взвода.

Подскочил. Развернулся. Перебежчики запрыгнули в десантное отделение. Пулеметчик снял с турели пулемет, пристроил его на корме. С возвышенности выстрелил гранатометчик. За бронетранспортером поднялось облако дымовой завесы. «Ханомаг» благополучно скрылся за возвышенностью, и тут же гитлеровцы прекратили огонь. В ответ замолчала и советская полевая артиллерия. Наступила оглушающая тишина.

«Ханомаг» встал у «Кюбельвагена», германского автомобиля повышенной проходимости, возле которого находились офицеры в форме СС.

Они не тронулись с места, хотя видели прибытие предателей.

Хальзер сказал:

— Вас, господин полковник, встречают офицеры СС из Риги.

— Они не спешат познакомиться.

— Да, эти ребята высокомерны. Но ничего, вы не в том положении, чтобы артачиться.

— Это так.

— Пойдемте, я вас представлю.

Хальзер подвел бывших советских офицеров к ээсовцам. Только тогда те заметно оживились.

— Господин Грунов? — спросил офицер с петлицами штурмбаннфюрера СС.

— Так точно, господин офицер.

— Приветствую вас в новой, счастливой жизни. Наконец-то вы освободились от советского ярма.

— Спасибо, господин штурмбаннфюрер.

— Извините, я Конрад Вендель. А это, — он указал на второго офицера, — мой помощник оберштурмфюрер Отто Ленц.

— Очень приятно.

Полковник не решился подать руку — а если ээсовцы проигнорируют? Некрасиво будет и... стыдно.

Вместо этого Грунов представил своих подчиненных:

— Мой заместитель подполковник Дургин Федор Архипович и начальник разведки корпуса майор Сазонов.

Вендель кивнул.

— Вы обедали в своей, простите, советской части?

— Никак нет, господин штурмбаннфюрер.

— Напрасно. Здесь тоже не получится, нас ждет самолет на ближнем аэродроме Лежино. Мы должны ехать, это примерно тридцать километров на запад.

— Мне известно, где военный аэродром.

Эсэсовцы рассмеялись.

— Ну, конечно, вы же были начальником штаба целого корпуса, это генеральская должность, к вам стекалась вся оперативная информация. — Он указал на «Кюбельваген». — Это машина для вас, водитель шарфюрер Ральф Кольб, сразу предупреждаю, по-русски он не говорит.

— Ничего, — сказал Грунов, — я владею немецким.

— Хорошо! Мы с оберштурмфюрером поедem на «Опеле».

— Я понял, — кивнул бывший начальник штаба корпуса.

Штурмбаннфюрер повернулся к Хальзеру:

— Глаузер с нами, остальным отдыхать. Всей группе от имени рейхсфюрера Гимmlера объявляю благодарность. Дальнейшее ваше использование будет определяться в управлении абвера.

— Да, господин штурмбаннфюрер.

Обер-лейтенант Глаузер отошел к эсэсовцам. И это было непонятно, диверсант, по сути, второй человек в группе, по крайней мере, по званию и должен быть с майором СС, когда остальным приказано оставаться до получения приказа.

Штурмбаннфюрер заметил замешательство Грунова, снизошел до объяснения:

— Вы удивлены, господин полковник, хотя ничего удивительного в моем распоряжении нет. Обер-лейтенант Глаузер будет работать с вами и дальше. А вот где и по какому направлению, извините, сказать не могу.

— Понятно, господин штурмбаннфюрер.

— Ну, тогда по местам, господа.

Все сели в автомобиль. Водитель «Кюбельвагена» с интересом посмотрел на офицеров, которые собрались у машины и командовали дальше, оставаясь в форме старшего офицерского состава РККА.

— Вы говорите по-немецки? — обратился он к Грунову.

— Да, шарфюрер.

Немец оказался общительным:

— Хорошо. А это правда, что вы служили начальником штаба целого стрелкового корпуса?

— Да, Ральф.

— О, вам известно мое имя!

— Назвал штурмбаннфюрер.

— Как мне обращаться к вам?

— Полковник. Думаю, это будет правильно.

— Начальник штаба корпуса — это высокая должность. А почему вы не генерал? У нас в корпусе, где мне раньше приходилось возить представителя службы безопасности, начальником штаба был генерал-майор.

— Должен был получить. В октябре. Теперь... но это ладно.

Шарфюрер, ловко управляя армейской машиной, уверенно сказал:

— Будете генералом в Риге.

Грунов рассмеялся:

— Это вряд ли. А скажи мне, Ральф, партизаны в вашем тылу есть?

— В этом районе были небольшие диверсионные группы, партизан нет. Соседей вроде беспокоят. Но с ними эффективно борются.